

УДК 327, 7.074, 7.038, 94 (71)
DOI: 10.7868/S0321206818050076

КАНАДСКИЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЗНАМЕНИТОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА РУССКОГО И СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА Г.Д. КОСТАКИ

© 2018 г. **Е.Г. Комкова***

Статья поступила в редакцию 26.12.2017.

В статье исследуется "канадская" сторона жизни знаменитого коллекционера русской и советской авангардной живописи Георгия Дионисовича Костакки (1913–1990 гг.).

Выходец из семьи обрусевших греков, сумевший сохранить своё греческое гражданство в условиях СССР, родившийся в Москве Г.Д. Костакки был русским по языку и культуре. В 1943 г. он устроился на работу в посольство Канады в Москве и проработал в должности администратора почти 35 лет. Никакого специального образования, как и высшего образования вообще, у него не было, но руководствуясь своим природным художественным вкусом и имея деловую хватку, он сумел быстро составить выдающуюся коллекцию работ К. Малевича, М. Шагала, В. Кандинского, Л. Поповой, В. Степановой и многих других художников, покупая их на зарплату работника канадского посольства. Это стало возможным потому, что, будучи формально греческим подданным, Костакки мог получать свою зарплату не в рублях, а в долларах и иметь валютный счёт за границей. У него также были хорошие отношения с пятью канадскими послами и поверенными в делах, а также с несколькими сотнями других канадцев, служивших в посольстве в 1943–1977 годах.

С лекциями о русском авангарде, для участия в выставках работ из своей коллекции и в качестве поощрения за хорошую работу в посольстве Костакки четыре или пять раз посещал Канаду – в 1967, 1973, 1982 и один или два раза в 1989 году.

Осенью 1977 г. Костакки был уволен из посольства и в январе следующего года выехал на постоянное жительство в Грецию. Чтобы получить разрешение на вывоз части коллекции за границу Костакки в добровольно-принудительном порядке передал 142 произведения живописи и 692 графические работы, авторами которых были свыше 40 русских художников, в дар Государственной Третьяковской галереи. После его смерти оставшиеся картины были приобретены правительством Греции и составили основу Государственного музея современного искусства города Салоники.

Ключевые слова: Г.Д. Костакки, русская и советская авангардная живопись, посольство Канады в Москве, советско-канадские культурные связи.

* КОМКОВА Елена Геннадиевна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (lena.komkova2012@yandex.ru).

В пресс-релизе Третьяковской галереи, выпущенном к открытию проходившей в Москве в 2014 г. выставки "Георгий Костаки. Выезд из СССР разрешить...", Костаки назван "знаменитым коллекционером, создателем одного из наиболее значительных по масштабу и качеству частных собраний XX века". Своей деятельностью – говорится далее в пресс-релизе, он "возобновил прерванные на время традиции великих русских меценатов XIX–XX веков П.М. Третьякова, И.А. Морозова, И.С. Остроухова, С.И. Щукина, коллекции которых во многом влияли на культуру своего времени"¹. А Википедия именует его "крупнейшим за всю историю коллекционером русского авангарда".

Судьба распорядилась так, что всё то время, в течение которого Г.Д. Костаки собирал коллекцию произведений русского и советского авангарда, он работал в посольстве Канады в Москве в Староконюшенном переулке. Именно на зарплату скромного администратора – начальника над советским персоналом канадского посольства, Г.Д. Костаки сумел приобрести многочисленные картины незаслуженно забытых и официально не признававшихся тогда художников. Но посольство было для Костаки не только важным и по существу единственным источником денежных средств. Оно было его окном во внешний мир: дипломаты знакомили его с модными течениями в западном искусстве, работами востребованных американских и европейских художников, стоимостью картин на аукционах, а некоторые иногда даже выполняли прямые его поручения, передавая письма и посылки за рубеж. Многие из них, включая послов и поверенных в делах Канады, со временем стали его друзьями, и эти отношения не прекратились после увольнения Г.Д. Костаки и его переезда на историческую родину в Грецию на постоянное жительство. По линии посольства в качестве поощрения за хорошую работу он впервые попал в Канаду в 1967 г. Впоследствии стараниями посольских работников были организованы его лекции в Национальной галерее Оттавы и выставка работ из его собрания в Монреальском музее изящных искусств. Наконец, Костаки рассматривал свою работу в диппредставительстве Канады как определённую защиту от настойчивого внимания со стороны КГБ, которое, как он считал, могло привести к аресту его самого или членов его семьи.

Работа в канадском посольстве (1943–1977 гг.)

"Я начал работать в канадском посольстве в 1943 г. Послом был Д. Уилгресс. Он и его жена Ольга говорили по-русски. И я должен сказать, что если бы не канадское посольство, если бы я не нашёл там работу и не проработал бы в нём все эти годы, моя жизнь, возможно, ...нет, не возможно, а абсолютно точно, была бы совершенно другой, и никакой коллекции мне бы собрать не удалось" – так эмоционально высказался Костаки в 1987 г. [Цит. по: Roberts, 1994: 91].

Костаки проработал в посольстве почти 35 лет – больше, чем кто-либо ещё. Если сравнить его трудовой стаж с длительностью пребывания в Москве канадских дипломатов, то главный "старожил" – Р. Форд, трижды приезжавший

¹ Третьяковская Галерея. Официальный сайт. Available at: <http://www.tretyakovgallery.ru/ru/calendar/exhibitions/exhibitions4488> (accessed: 26.02.2015).

в нашу страну в разном качестве, в сумме проработал 21 год, в том числе 16 лет в ранге посла.

Основной задачей Костаки в голодные военные годы были закупки продовольствия – картофеля, моркови, капусты, свинины, в поисках которых он на посольском грузовичке объезжал близлежащие крестьянские хозяйства, колхозы и совхозы. Но на этом его обязанности не заканчивались. Как пишет в своих мемуарах бывший посол Р. Форд, человек на такой должности, должен быть мастером на все руки. Он должен уметь "чинить машину, обеспечивать посольских работников молоком, яйцами или икрой, следить за тем, чтобы работало электричество, знать как функционирует "черный рынок". Иными словами в Москве того времени такой человек для посольства был "жизненно необходим" [Ford, 1995: 260].

Подбирая наиболее точное слово, характеризующее деятельность Костаки в тот период, другой канадский посол в СССР П. Робертс, подготовивший и издавший в 1994 г. о Костаки целую книгу, не довольствуется словом "администратор", а использует русское слово "толкач" (*tolkach*). Он так объясняет англоязычным читателям его смысл – "локомотив, который толкает перед собой железнодорожный состав" [Roberts, 1994: 93]. Из других определений чаще всего встречается слово *fixer* [Ford, 1995: 260; Roberts, 1994: 120], которое на современном российском сленге лучше всего передаётся словом "решало". Ещё одно название – мажордом. Первый канадский посол в СССР Д. Уилгресс, который и принял на работу Г.Д. Костаки в 1943 г., говорил: "Я был впечатлён его откровенностью и очевидной честностью. И я решил взять его на испытательный срок. Как только мы его взяли, все наши неприятности закончились. Как только появлялась какая-то проблема, мы информировали о ней Костаки, и тем или иным способом он её всегда решал". [Цит. по: Roberts, 1994: 93].

Когда Костаки пришёл в посольство, весь советский персонал состоял из двух уборщиц. Но постепенно число сотрудников расширилось, и скоро Костаки стал заведовать немалым штатом советских переводчиков, машинисток, офисных работников, шофёров, технических работников, поваров, садовников, дворников и горничных.

О том, насколько напряжённой была его работа, можно судить по следующему свидетельству П. Робертса, который трудился бок о бок с Костаки в том же посольстве в 1957–1959 гг. (тогда Робертс не был послом, а был дипломатом младшего ранга): "Его рабочий день в посольстве продолжался, по меньшей мере, 8 часов, он часто задерживался по вечерам и выходил на работу в выходные. Это случалось, когда приходил груз, либо продовольственная посылка, или приезжал новый сотрудник или у кого-то в аэропорту возникали проблемы с визами. Он жил далеко от того места, где находилось посольство, в трёх комнатах полуразвалившегося деревянного дома, в котором вырос, и когда он начал собирать свою коллекцию авангарда у него было сначала трое, а потом четверо детей. ...когда ему надо было ехать в Ленинград (чтобы посмотреть или приобрести какую-нибудь картину для своей коллекции – *Е.К.*), он не мог оставить свою работу и посылал вместо себя дочь Лилию (Алики) [Roberts, 1994: 65, 85].

С самого начала канадские дипломаты сознательно шли на то, чтобы под-
нять авторитет Костаки среди советских работников посольства и в глазах
властей. В присутствии посторонних они избегали обращаться к нему на "ты",
называя "господином Костаки" или "Георгием Дионисовичем". Этим они давали
понять советскому персоналу, что Костаки – не просто один из них, а их на-
чальник, равный канадцам в социальном и профессиональном отношении.

Благоволивший к Костаки Д. Уилгресс направил официальную бумагу (ди-
пломатическую ноту) в советский Наркомат иностранных дел, в которой удо-
стоверил, что Костаки имеет право распоряжаться финансовыми средствами в
рамках своих полномочий. Он подтвердил, что подпись Костаки на всех доку-
ментах полностью легитимна [Roberts, 1994: 104]. Примечателен и такой слу-
чай, рассказанный самим Костаки: "Однажды приехала к канадцам комиссия
из УПДК обсуждать вопрос относительно посольского особняка, раньше он
принадлежал датскому посольству, и оно хотело его забрать. Приехал началь-
ник УПДК, его заместитель, главный инженер и ещё несколько человек. Под-
нялись наверх, в резиденцию посла. Меня в это время не было: мадам Уил-
гресс меня послала по каким-то делам. "Господа, – сказал посол, придётся по-
дождать, я предложу вам "дринк", но мы не можем начать разговор, так как
нет господина Костаки, он вот-вот приедет". Так незаметно, постепенно канад-
цы сделали меня "важной фигурой" в посольстве" [Костаки, 1993: 105].

Сам Костаки в отношении дипломатов, тем более послов, избрал уважитель-
ный и даже сверхуважительный тон. Он сумел установить хорошие, а во многих
случаях и дружеские отношения со многими сотрудниками. В этом ему помога-
ли богатый жизненный опыт (до прихода в посольство Канады Г.Д. Костаки ус-
пел поработать шофёром в греческом и английском посольствах и сторожем в
финском), природный оптимизм, доброжелательность и готовность помочь. По
словам самого Г.Д. Костаки, к нему хорошо относились 95% всех канадцев, с ко-
торыми ему довелось работать. Он видел в них "почитателей его коллекции,
дружески настроенных знакомых во внерабочее время и помощников в трудных
жизненных обстоятельствах" [Цит. по: Roberts, 1994: 112].

Поверенные в делах и послы Канады в СССР в 1942–1980 гг.

Дана Уилгресс	1942–1947
Роберт Форд**	1947–1947
Джон Холмс**	1947–1948
Джон Уоткинс**	1948–1951
Роберт Форд**	1951–1954
Джон Уоткинс	1954–1956
Дэвид Джонсон	1956–1960
Арнольд Смит	1960–1963
Роберт Форд	1964–1980

** Поверенные в делах

Источник: [Himes, 1996: 42].

Среди них были послы и поверенные в делах Канады в СССР: первый по-
сол Канады в СССР Д. Уилгресс (дипломатические отношения между СССР и
Канадой были установлены только в 1942 г.), Дж. Холмс, Дж. Уоткинс,
А. Смит, Р. Форд. Как пишет Костаки, "Посол Уилгресс ... относился ко мне с

большим вниманием. Господином, правда, не называл, обращался просто – Костаки, но, тем не менее, всегда подчёркивал, что я в посольстве являюсь некой фигурой" [Костаки, 2015: 217].

В своих воспоминаниях лестно отзываясь о Костаки и Дж. Холмс, который характеризует его как "очень способного администратора". Он отмечает, что с тех пор Костаки "прославился как собиратель крупной коллекции русского авангарда", работы из которой достойны того, чтобы выставляться в Музее Гугенхайма в Нью-Йорке и Национальной галерее в Оттаве [Holmes, 1989: 43].

Особенно тесные отношения сложились у Костаки с Дж. Уоткинсом, который был высокообразованным человеком, знал несколько языков, включая русский, занимался коллекционированием предметов искусства и, вообще, с симпатией относился к русским. В 1948 г., когда Дж. Уоткинс ещё не был послом, а только поверенным в делах Канады в СССР, он оказал Костаки неоценимую услугу: забрал его, почти умиравшего, из Боткинской больницы после удаления почки и разместил в собственной квартире (Уоткинс был холостяком и жил один). "После больницы, – рассказывает Костаки, Уоткинс забрал меня в посольство и разместил в одной из комнат своей посольской резиденции. И я там прожил один месяц, и просто отдыхал. За мной ухаживала горничная, она меня хорошо кормила, сам Уоткинс играл на пианино Баха, а моя жена Зина приходила меня проводить" (Цит. по: Roberts, 1994: 109). По просьбе посольства из Канады был привезён для Костаки дефицитный в то время пенициллин, хотя такая "доставка была сопряжена с большими сложностями" (Roberts, 1994: 126).

С Дж. Уоткинсом и Дж. Холмсом Костаки оставался в дружеских отношениях до их смерти.

Единомышленника Костаки приобрёл и в лице А. Смита. В основе их дружбы тоже лежал "глубокий интерес (А. Смита – *Е.К.*) к искусству. Костаки свёл его в Москве с "неофициальными" художниками". После окончания срока своего пребывания в Москве А. Смит стал генеральным секретарем Содружества – международной организации, объединяющей Великобританию и бывшие британские колонии. Костаки продолжал поддерживать с ним связь, и потом с благодарностью вспоминал то содействие, которое семья Смита оказала в Лондоне его дочери Алики, когда та серьёзно заболела [Roberts, 1994: 110–111].

Первоначально хорошие отношения сложились у Костаки и с Р. Фордом – известным канадским дипломатом и талантливым поэтом, отмеченным наградой генерал-губернатора Канады. Форд был равнодушен к творчеству В.В. Кандинского, в его коллекции были полотна Л.С. Поповой, И.В. Ключа, Сержа Полякова, А.А. Экстер. Как свидетельствует сам Г.Д. Костаки: "Господин Форд ко мне относился очень хорошо, и Тереза (супруга Р. Форда. – *Е.К.*) ...в общем, тоже благоволила" (Костаки, 2015: 217). Однако в дальнейшем отношения испортились, и в 1977 г. именно Форд уволил Костаки из посольства. Получил известность один курьёзный эпизод: после того как в апреле 1974 г. квартиру Костаки для осмотра хранившейся там коллекции посетил американский сенатор Э. Кеннеди, в посольство пришло от него благодарственное письмо. Его

составляла секретарь Кеннеди, которая почему-то решила, что никто кроме посла не мог быть обладателем столь великолепного собрания русского авангарда и столь гостеприимным хозяином. Поэтому на конверте, адресованном Костаки, было ошибочно указано, что он – посол Канады в СССР. Понятно, что это вряд ли могло понравиться настоящему послу – Р. Форду, так что это письмо Костаки так и не было передано. В своих воспоминаниях Р. Форд впоследствии написал, что Г. Костаки постепенно "перерос свою должность" [Цит. по: Roberts, 1994: 111]. А из посольства был уволен потому, что "был настолько поглощён собиранием своей коллекции, что это сказывалось на его работе" [Ford, 1995: 260–261].*

Посольство выполняло в жизни Костаки множество функций. И первая и главная из них – быть источником финансовых средств, которые позволили собрать одну из самых значительных частных коллекций XX века, а также содержать немаленькую семью и быть гостеприимным хозяином квартиры-музея, двери которой были открыты для всех, кто интересовался искусством авангарда.

Точно определить стоимость коллекции Г.Д. Костаки сложно, если не невозможно. Она менялась в соответствии с модой и предпочтениями частных коллекционеров и музейных работников. Оценки варьируются в широких пределах. П. Робертс оценил вывезенную из СССР в 1978 г. часть коллекции Костаки в 50 млн. долл. США [Roberts, 1994: 146]. Другой биограф Г.Д. Костаки, И.Х. Илиади – в "сотни миллионов" [Илиади, 2014: 294]. В 1981 г. С. Фредерик Старр в предисловии к книге "Русский авангард: коллекция Г. Костаки", изданной к открытию знаменитой выставки в Музее Соломона Гуггенхайма в Нью-Йорке, подсчитал, что, чтобы собрать такую же коллекцию в Северной Америке, потребовалось бы тратить на приобретение предметов искусства по 20 тыс. долл. ежемесячно².

В своих воспоминаниях Костаки подробно объясняет эту загадку: как простой служащий посольства смог на зарплату собрать коллекцию, стоящую огромных денег.

А дело обстояло следующим образом. Когда Г.Д. Костаки только начинал служить, он попросил тогдашнего посла платить ему частично натурой – в виде продовольствия. Однако Д. Уилгресс, учитывая сложности с продовольственным снабжением в годы войны даже посольств, ему отказал. Тогда Костаки обратился с другой просьбой – выплачивать ему часть зарплаты в валюте, и

* Сам Костаки выдвигает другую версию своего увольнения. По его мнению, руку к этому приложила супруга посла, знаменитая Тереза Форд, "которая любила командовать". "Случалось и мне претерпевать от мадам Форд, особенно в последние годы совместной работы. Иногда я искал подходящее место в посольском подвале, чтобы повеситься. Вот до чего она меня доводила!". Одной из причин недовольства стала как раз история с картинами Кандинского, которые Костаки приобрел для себя и для Фордов. Впоследствии выяснилось, что некоторые из них были подделками (*Костаки*, 1993: 109–113; *Костаки*, 2015: 220–226).

²Starr S. F., Costakis G., Rakitin V., Bowl J. E. Russian Avant-Garde Art. The George Costakis Collection. New York. Harry N. Abrams, Inc. 1981. Цит. по: Kramer H. Russia's Lost Revolution in Modern Art // The New York Times Magazine. 11.10.1981. Available at: <http://www.nytimes.com/1981/10/11/magazine/russia-s-lost-revolution-in-modern-art.html?pagewanted=all> (accessed 23.11.2017).

это было принято. Аргументы были такие: во-первых, Г. Костаки имел греческий паспорт, и, следовательно, с формальной точки зрения был в СССР иностранцем, а во-вторых, во время предыдущей работы в греческом посольстве ему тоже платили зарплату не в рублях, а в драмах. Так у Костаки появился счёт в канадском банке, куда ему перечисляли зарплату (иметь валютный счёт в советском банке резидентам СССР было запрещено). Говоря о её размерах, Костаки пишет, что вначале он "получал 90–150 долларов – очень мало. Потом оклад повысился, я стал получать 400–500, а уж под конец платили 800 долларов в месяц" [Костаки, 1993: 107].

Но было и второе не менее важное обстоятельство. До 1960 г. канадские сотрудники посольства (а в списках, ежегодно представляемых в советский МИД, Д. Уилгресс отнёс Г.Д. Костаки не к советским, а к канадским сотрудникам посольства) имели определённые льготы, которые должны были облегчать им проживание за границей. В частности, они могли обменивать часть зарплаты, исчисляемой в американских долларах, на рубли не по официальному курсу (который тогда составлял 1:10), а по гораздо более выгодному, субсидируемому посольством курсу, 1:25. Тем самым они могли получать "дешёвые рубли" и тратить их по своему усмотрению – на путешествия по СССР, посещение театров и ресторанов, покупку чёрной икры и других рыбных деликатесов, сувениров и предметов искусства.

Это оказалось чрезвычайно выгодным для Костаки. Он стал обладателем долларового счёта в Канаде, с которого мог оплачивать поездки за границу. А часть зарплаты обменивать на рубли по очень выгодному курсу 1 к 25 для покрытия расходов в СССР. Обменяв 100 долларов, он получал две с половиной тысячи рублей, 200 долларов – 5 тысяч рублей. Кроме того, поскольку многие канадские сотрудники часто полностью не выбирали свою квоту, то "они иногда делали это в пользу Костаки" [Roberts, 1994: 113]. Сам Костаки уточняет, что менять на рубли ему разрешалось "200 долларов, а когда этих денег не хватало, друзья-канадцы выручали, они ведь имели право обменивать гораздо больше, чем я, а им рубли были не нужны. Без такой возможности я не смог бы заниматься искусством" [Костаки, 1993: 108].

Костаки в своих воспоминаниях приводит пример того, что тогда можно было сделать на эти деньги: "Купить две хорошие иконы, скажем, XVI века, которые стоили по 500 рублей, и вдобавок к тому я ещё мог купить две хорошие картины, тех же Поповых, которые стоили по 800–1000 рублей" (Костаки, 1993: 107–108). "Когда [Костаки] начал собирать свою коллекцию авангарда в 1946 г., ценность того, что он получил, стала очевидной. Цены на живопись и другие работы, принадлежащие кисти даже самых выдающихся авангардистов – Шагала, Кандинского, Малевича, Поповой, были очень низкими. С тем запасом рублей, которые он имел,он мог приобретать их по своему выбору. Уже через пять лет многие из самых известных полотен висели на стенах квартиры Костаки, а через десять лет его коллекция приобрела в своих основных чертах ту форму, которую сохраняет до наших дней", – пишет П. Робертс [Roberts, 1994: 113].

В 1960 г. система обмена долларов на рубли по субсидируемому курсу в канадском посольстве была отменена. Но к тому времени, во-первых, "сущест-

венным образом" выросла зарплата Г. Костаки, во-вторых, он стал известным коллекционером, с успехом работавшим на арт-рынках Москвы и Ленинграда, и, в-третьих, начал продавать некоторые принадлежавшие ему картины на западных аукционах. По этим причинам "прекращение льготного валютного обмена доставило ему минимум неудобств" [Roberts, 1994: 113].

Р. Форд обращает внимание на тот мало известный факт, что после своей отставки и переезда на постоянное место жительства в Грецию, Костаки продолжал получать пенсию, которую ему выплачивало правительство Канады [Ford, 1995: 261]. Он сообщает и о некоторых других преимуществах, которыми пользовался Г.Д. Костаки. В частности, в 1954 г., зная о большом интересе Г. Костаки к искусству, он сам подарил ему три великолепных тома, опубликованных издательством "Скира", которые были посвящены современной живописи, импрессионизму, пост-импрессионизму, кубизму и абстракционизму. По его словам, "Костаки был потрясён до глубины души". В следующем абзаце Форд возвращается к этой теме, подчёркивая, что "подаренная им книга и собственный острый глаз помогли ему [Костаки] собрать подлинные произведения искусства" [Ford, 1995: 260].

Наконец, нельзя не сказать ещё об одном важном обстоятельстве – работа в посольстве под крылом сильного посла вместе с имевшимся у него греческим подданством воспринималась Костаки как некая защита от преследований со стороны КГБ и возможного ареста. Он считал комбинацию двух этих условий некоей магической формулой [Roberts, 1994: 119]. Наличие только одного условия – иностранного подданства или работы в посольстве – было бы недостаточно. Костаки всерьёз рассчитывал на то, что если с ним что-нибудь случится, то канадское и греческое посольство молчать не будут и выступят в его защиту. О том, что такое может произойти, Костаки знал не понаслышке: его мать, тетя и младший брат Митя были арестованы в 1937 г. как враги народа.

И здесь мы вплотную подходим к разоблачению одного мифа, иногда встречающемуся в русскоязычных публикациях – о том, что Г.Д. Костаки якобы обладал "дипломатической неприкосновенностью". Это, возможно, имело место в прошлом, в 1930-е годы, когда Г.Д. Костаки работал шофёром в греческом посольстве и когда, как он сам пишет, "мы, моя семья пользовались дипломатическим иммунитетом: нас не могли арестовать" [Костаки, 1993: 36]. Но он тут же добавляет, что всё это закончилось, когда греческого посла Карионопулоса сменил новый глава дипмиссии Маркети (предположительно, в 1934–1935 гг.). Схожая ситуация повторилась и после поступления Костаки на службу в посольство Канады. Хотя, как уже отмечалось, до 1965 г. канадское посольство включало фамилию Костаки в подаваемые в МИД СССР списки своих канадских сотрудников, но вряд ли это давало человеку, не имевшему дипломатического ранга, искомый дипломатический иммунитет. Ни Костаки, ни члены его семьи такого в своих воспоминаниях не утверждают. Напротив, они свидетельствуют, что Костаки постоянно опасался за свою безопасность, безопасность членов своей семьи и коллекции.

Учитывая ту роль, которую посольство сыграло в жизни Костаки, некоторые канадские авторы выражают сожаление, что он отказался продать вывезенную за рубеж часть своей коллекции Монреальскому музею изящных ис-

кусств. Согласно их логике, "канадское правительство должно было владеть коллекцией Костаки, поскольку оно оплатило значительную часть приобретений" [Цит. по: Roberts, 1994: 114].

"Собирание такой коллекции – пишет Р. Форд, – было бы невозможным без совета, руководства и дипломатической защиты, которые оказывало ему канадское посольство в течение почти 35 лет. И что ещё более важно для Костаки, он мог получать свою зарплату в долларах, поскольку не был гражданином СССР. Но всё это он в расчёт не принял. Когда после его отъезда Монреальский музей изящных искусств предложил купить основную часть его коллекции за 15 млн долл. и обещал сохранить её целостность, Костаки запросил 40 млн. Это было неподъёмной суммой для музея и вообще явно завышенной ценой. Вместо этого он выставил картины из своей коллекции на аукцион "Сотбис", где они были проданы за меньшую сумму, чем ту, которую предлагал музей, и к тому же были разобщены, вопреки тому, что Костаки обещал никогда не делать" [Ford, 1995: 261].

Другие канадские авторы с такой постановкой вопроса не согласны и считают, что никаких претензий быть не может. П. Робертс, например, пишет, что Костаки честно отработал свою зарплату и другие льготы в посольстве и потому ничего не должен канадскому правительству. "Можно быть только благодарным, что так случилось, ...и что это позволило ему собрать одну из самых выдающихся коллекций искусства" [Roberts, 1994: 114].

Поездки и выставки в Канаде

Насколько можно судить по доступным источникам, всего в Канаде Костаки побывал четыре или пять раз: в 1967 г., в 1973 г., 1982 г. и один или два раза в 1989 г.

В первый раз Костаки посетил эту страну в качестве служащего канадского посольства в Москве, во второй раз – с лекциями о русском и советском авангарде в большом лекционном турне по Северной Америке. В последующие годы он приезжал в Канаду для участия в выставках работ из своей коллекции в лучших музеях Оттавы и Монреаля и демонстрации картин собственного авторства.

В 1967 г. его поездка была организована правительством Канады. Она предназначалась для лучших сотрудников зарубежных представительств Канады из числа местного персонала. Это была награда за хорошую работу в посольстве и не имела никакого отношения ни к коллекции Г.Д. Костаки, ни к нему самому как коллекционеру. Как вспоминает сам Г.Д. Костаки, "когда в Монреале была выставка "ЭКСПО-67", он (Р. Форд. – *Е.К.*) меня выделил как одного из лучших местных служащих, и мы с Зиной (жена Костаки. – *Е.К.*) ездили туда" [Костаки, 1993: 110].

Осенью 1973 г. Костаки приехал вновь. На этот раз он был в качестве частного коллекционера и путешествовал в организованном для него лекционном туре по Северной Америке и Великобритании. Как откровенно пишет П. Робертс, "Национальная галерея в Оттаве была добавлена потому, что Костаки работал в канадском посольстве" [Roberts, 1994: 153]. Во время этого ви-

зита с ним произошли два памятных неприятных эпизода. Один из них подробно описан самим Г.Д. Костаки в двух книгах его воспоминаний [Костаки, 1993: 96–97; Костаки, 2015: 215–216], а также воспроизведён в книге И.Х. Илиади "Подвижник" [Илиади, 2014: 280–281]. Речь идёт о попытке его допроса сотрудниками Королевской канадской конной полиции (представителями "канадского КГБ", как окрестил их сам Костаки) в гостиничном номере отеля "Лорд Элджин" в Оттаве. Эти люди пытались выяснить, связан ли он с КГБ и кто ещё из советских сотрудников посольства Канады в Москве работает на эту организацию. На их вопросы Костаки ответил отрицательно, заявив, что он лично на КГБ не работает, и что ему ничего неизвестно о том, делает ли это кто-то другой.

Другой эпизод известен не столь широко и упомянут в англоязычной книге П. Робертса. Он касается обстоятельств проведения лекции Г.Д. Костаки в Национальной галерее Канады в 1973 г. Из-за того, что её дата проведения была неверно анонсирована – 28 октября вместо 27 октября, лекция прошла при полупустом зале. В аудитории сидели "куратор, уборщица, несколько студентов и несколько друзей [Костаки. – *Е.К.*] по канадскому посольству в Москве". Как констатировал Костаки, из всех стран "в Канаде мне был оказан самый холодный приём" [Цит. по: Roberts, 1994: 155]. Правда, потом канадские друзья, со многими из которых он не виделся много лет, постарались сделать всё, чтобы сгладить это неприятное впечатление и устроили в его честь торжественный ужин [Roberts, 1994: 155].

В 1982 г. целью приезда было участие в выставке работ из его коллекции в Национальной галерее Канады. Она тоже была частью большого выставочного турне, в котором помимо Оттавы фигурировали Нью-Йорк, Хьюстон, Индианаполис и Чикаго. Выставка демонстрировалась с 25 июня по 22 августа 1982 г. и прошла с большим успехом. В отличие от 1973 г. не было ни провокаций со стороны спецслужб, ни ошибочных анонсов. Это способствовало сглаживанию первоначального негативного впечатления. "От посетителей не было отбоя – нечастое явление в Оттаве" [Roberts, 1994: 180]. Друзья-канадцы снова устроили для Костаки небольшой приём, а потом двое из них – Маршалл и Дорис Крау – организовали выезд на природу, где на сеновале, не переставая курить ни на минуту, Костаки предался своему новому увлечению – рисованию. Уезжая, он подарил выполненный рисунок на память своим хозяевам [Roberts, 1994: 180].

В 1989 г. в Канаде прошла вторая выставка работ из собрания Костаки. На этот раз она состоялась в Монреальском музее изящных искусств. У этой выставки была интересная предыстория. В 1986 г. Костаки приезжал из Греции в Москву по приглашению Министерства культуры СССР на "Выставку произведений, полученных в дар Государственной Третьяковской галереей и Государственной картинной галереей СССР", где были впервые публично показаны



Г.Д. Костаки в своей квартире на Проспекте Вернадского во время осмотра его коллекции премьер-министром Канады П.Э. Трюдо В 1971 г.

В руках у Г.Д. Костаки автопортрет К. Малевича, над его головой – картина А.Д. Древина "Женщина с длинными волосами".

Источник: Roberts, 1994: 81.

организации большой выставки картин из коллекции Костаки в Монреальском музее изящных искусств [Roberts, 1994: 3]. План удалось реализовать в 1989 году.

П. Робертс из скромности умалчивает о том, что он сам, будучи в 1983–1986 гг. послом Канады в СССР, принимал активное участие во всех этих закулисных переговорах. Как сказано в его некрологе, опубликованном в 2003 г. в газете "Глоб энд мейл", "г-н Робертс помог организовать крупную выставку работ из коллекции Костаки в Музее изящных искусств в Монреале, а позднее издал длинную биографию "Георгий Костаки: русская жизнь в искусстве"³.

Рассказывая о самой выставке в Монреале, П. Робертс пишет, что к тому времени Г.Д. Костаки было уже 77 лет, он был болен и передвигался на инвалидной коляске. Тем не менее, невзирая на долгий перелёт из Греции, он захотел прямо из аэропорта поехать в музей, чтобы увидеться со своими "детьми" – так он называл свои картины. Осматривая залы, он пристально вглядывался в каждую работу и потом удовлетворённо заявил, что "они великолепно

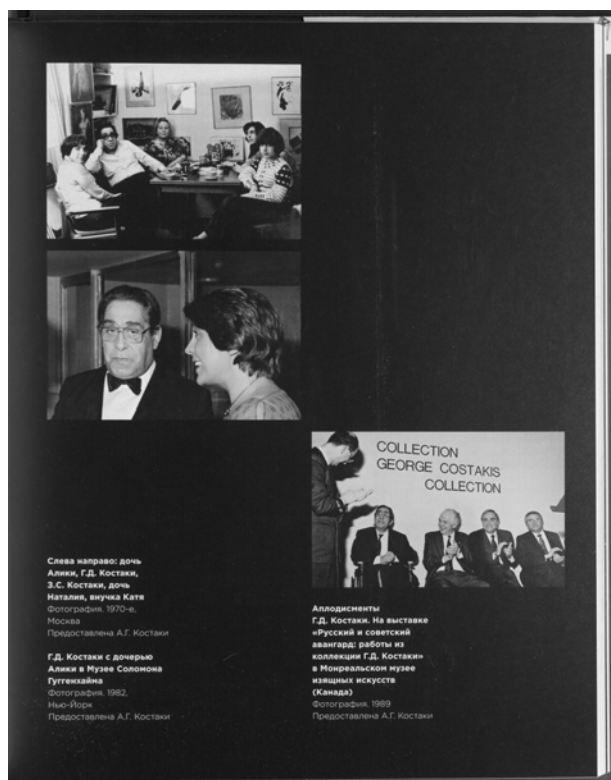
20 работ из его коллекции, подаренной музею. Во время этого посещения – первого после отъезда из СССР в 1978 г., Костаки по старой привычке зашёл в канадское посольство и был приглашён на обед тогдашним поверенным в делах Канады и своим старым другом Ф. Танги. На обеде также присутствовали находившиеся в Москве бывший премьер-министр Канады П.-Э. Трюдо, который был знаком с Костаки со времени своего визита в СССР в 1971 г. и осмотра его коллекции в квартире на Проспекте Вернадского, и президент и главный исполнительный директор одной из крупнейших канадских ТНК со штаб-квартирой в Монреале "Лавалин интернэшнл" Б. Ламарр. Но кроме этой встречи в октябре того же года в посольстве состоялась другая, о которой Костаки не знал. В ней приняли участие те же П.-Э. Трюдо, Б. Ламарр с супругой и Ф. Танги. А поскольку Б. Ламарр был ещё и председателем правления Монреальского музея изящных искусств, а его супруга тоже интересовалась искусством и знала о коллекции Костаки, то на этом втором обеде как раз и обсуждалась возможность

³ Gladstone B. Diplomat Shaped Cultural Policy // The Globe and Mail. 30.12.2003 Available at: <https://www.ogs.on.ca/ogspi/2003/o2003got.htm> (accessed: 01.09.2015).

развешаны". И действительно, музей не сэкономил места и выделил под выставку лучшие помещения. Тогда в канадских СМИ прошла информация о том, что Монреальский музей предлагал Г.Д. Костаки купить его коллекцию, и что сделка не состоялась из-за того, что стороны не договорились о цене. После Монреаля Г.Д. Костаки отправился в Оттаву на встречу с друзьями-дипломатами, в разное время служившими в посольстве Канады в Москве.

Но была ещё одна, на этот раз персональная выставка работ самого Г.Д. Костаки, о которой мало кто знает. На ней Костаки-художник представил 80–90 собственных полотен, которые написал уже после выхода на пенсию и переезда в Грецию. Они экспонировались в самом центре Монреаля в галерее "Лавалин Лтэ" (*Gallery of Lavalin Ltée*) и предназначались для узкого круга друзей и почитателей его таланта [Roberts, 1994: 181–182].

Послесловие. В ожидании новых открытий



Слева направо: дочь Алики, Г.Д. Костаки, З.С. Костаки, дочь Наталия, внучка Катя
Фотографии 1970-е.
Москва
Предоставлена А.Г. Костаки

Г.Д. Костаки с дочерью Алики в Музее Солонона Гутенхайма
Фотография 1962.
Нью-Йорк
Предоставлена А.Г. Костаки

Аплодисменты Г.Д. Костаки. На выставке «Русский и советский авангард: работы из коллекции Г.Д. Костаки» в Монреальском музее изящных искусств (Канада)
Фотография 1989
Предоставлена А.Г. Костаки

Источник: Георгий Костаки: к 100-летию коллекционера [каталог выставки]. 2014: 339.

Смит питал глубокий интерес к искусству, и Костаки свёл его в Москве с молодыми "неофициальными" художниками; подобно Уоткинсу он покинул Москву с некоторыми ценными работами из коллекции Костаки" (В книге П. Робертса этот рассказ иллюстрирует фотография, на которой изображены Г.Д. Костаки, его дочь Алики Костаки и А. Смит на открытии выставки работ

Внимательное изучение источников – как российских, так и зарубежных – показывает, что Костаки щедро дарил, помогал приобретать, а иногда продавал принадлежавшие ему картины и другие артефакты канадским дипломатам, а также представителям иных стран, работавших в Москве. Как пишет он сам, "некоторые из купленных картин [я] уступил канадским дипломатам, причём недорого, Хаузер купил одну работу, Коллинз купил очень хорошую вещь за 600 руб., Мур, посол Арнольд Смит* и ещё кто-то. В общем, я многих облагодетельствовал" [Костаки, 1993: 60].

О А. Смите вспоминает и П. Робертс: "Арнольд

* Потом Смит продал эту картину на "Сотбис" за 1,5 млн долл.

из коллекции Костаки в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке в ноябре 1981 г. [Roberts, 1994: 110]).

Доподлинно известно, что в числе других "облагодетельствованных" были ещё три посла – Джон Уоткинс, Р. Форд и сам Питер Робертс.

У Джона Уоткинса была великолепная коллекция картин М. Шагала, а также произведения других русских авангардистов. После ранней отставки из-за проблем со здоровьем, не имевший в Канаде собственного жилья Дж. Уоткинс переселился во Францию, оставив многие картины и другие предметы искусства на хранение друзьям. Многие из них были коллегами Дж. Уоткинса по канадскому МИДу в Оттаве. После его смерти, последовавшей в 1964 г., все эти предметы искусства, в числе которых были рисунки Пикассо, картины Шагала и другие произведения русского авангарда, остались у этих друзей на добрую память об Уоткинсе [Moscow Despatches, 1987: xxx, xxxii].

Р. Форд особенно интересовался работами В.В. Кандинского, которого любил и которых у него было несколько, а также работами других авангардистов. "Время от времени мадам Форд меня просила, и я что-то им уступал, – вспоминает Г.Д. Костаки: то Кандинского устрою по дешёвой цене, то Попову, то Ключа. В общем, я дал им возможность купить многие работы" [Костаки, 1993: 110]. В какой-то момент в руках у Р. Форда оказалось и большое полотно А. Экстер 1912 г., которое потом Костаки выкупил у него за 50 тыс. долларов.

П. Робертс поведал такую личную историю. Когда в 1973 г. он принимал Костаки у себя дома в Канаде, то показал ему висевшую на стене икону XVII века, подаренную ему его гостем в Москве. От этой иконы, по-видимому, из-за высокой температуры, поддерживаемой в жилом помещении, отвалился приличный кусок краски. И Костаки очень быстро поставил этот кусок краски на место подручными средствами – с помощью "яичного белка и сигаретной бумаги" [Roberts, 1994: xii].

Покровительствуя многим молодым художникам-нонконформистам, Костаки сводил их с богатыми покупателями и заказчиками из числа иностранцев. В частности, один из его протеже, Анатолий Зверев, частный музей картин которого был открыт в Москве в 2013 г. (Музей АЗ), написал несколько портретов канадских дипломатов, а также их жён и детей [Roberts, 1994: 207].

Общее количество канадских сотрудников, служивших в посольстве в Москве в 1946–1977 гг., можно примерно оценить в несколько сотен человек. Понятно, что далеко не все они интересовались русской живописью и авангардом, но, учитывая, что почти все они, начиная с середины 1950-х годов, посещали квартиру Костаки и знакомились с его коллекцией, финальное число бенефициаров могло быть значительным.

Так что можно с уверенностью предположить, что немалое количество работ из коллекции Г.Д. Костаки перекочевало в Канаду и находится в частных собраниях. А значит, рано или поздно они обнаружатся на аукционах и в музеях, войдут в международный культурный оборот и станут достоянием общечеловеческой культуры.

Список литературы

Георгий Костаки: к 100-летию коллекционера: [каталог выставки, 12 ноября 2014 г. – 8 февраля 2015 г./ сост. кат., авт. идеи и кураторы выставки: И.А. Пронина, Л.Р. Пчёлкина]. Москва: Государственная Третьяковская галерея, 2014. – 427 с.: ил.

Илиади И.Х. Подвижник (выдающийся коллекционер). Ставрополь, 2014. – 348 с.; ил.

Костаки Г. Мой авангард: воспоминания коллекционера. М.: Модус Граффити, 1993. – 127 с.

Костаки Г.Д. Коллекционер. М.: Искусство XXI век, 2015. – 256 с.

References

Georgii Kostaki: k 100-letiiu kollektcionera: [katalog vystavki, 12 noiabria 2014 g. – 8 fevralja 2015 g./ sost. kat., avt. idei i kuratory vystavki: I.A. Pronina, L.R. Pchjolkina. [George Costakis. Exhibition Dedicated to the 100th Anniversary of the Distinguished Collector] Moskva: Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia, 2014. – 427 p. (In Russ.)

Iliadi I.H. Podvizhnik (vydaiushchiisia kollektcioner) [The Distinguished Collector]. Stavropol', 2014. – 348 p. (In Russ.)

Kostaki G. Moi avangard: vospominaniia kollektcionera. [Costakis G. My Avant-Garde. Memoirs of a Collector] M.: Modus Graffiti, 1993. – 127 p. (In Russ.)

Kostaki G.D. Kollektcioner. [Costakis G. Collector] M.: Iskustvo XXI vek, 2015. – 256 p. (In Russ.)

Ford R.A.D. A Moscow Literary Memoir: Among the Great Artists of Russia from 1946 to 1980. Ed. by Carole Jerome. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1995. – 307 p.

Himes M. Canadian Foreign Policy Handbook. Montreal: Jewel Publications, 1996. – 481 p.

Holmes J.W. Moscow 1947–1948: Reflections on the Origins of My Cold War // *Canada and the Soviet Union: from Cold War to Détente and Beyond*. Kingston: Ronald P. Frye & Company, 1989. P. 41–55.

Moscow Despatches. Inside Cold War Russia. John Watkins. Ed. and With an Introduction by D. Beeby and W. Kaplan. Toronto: James Lorimer & Co, Publishers, 1987. – 150 p.

Roberts P. George Costakis: A Russian Life in Art. Ottawa: Carleton University Press, 1994. – 223 p.

Culture

Russian Avant-Garde Collector George Costakis: The Canadian Connection

(USA & Canada Journal, 2018, no. 5, p. 101–115)

Received 26.12.2017.

KOMKOVA Elena Gennadievna. Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation (lena.komkova2012@yandex.ru).

The article describes Canadian connections of the famous Russian avant-garde collector George Costakis (1913–1990).

Ethnically Greek, but culturally Russian, Moscow-born Costakis joined the Canadian Embassy to the USSR in 1943 as administrator of local staff. He spent there 35 years, a full working life. He had had very little formal education but was street-smart enough to build up an outstanding collection of works by Wassily Kandinsky, Kazimir Malevich, Marc Chagall, Alexander Rodchenko, Liubov Popova, Varvara Stepanova and many more – all bought on the salary of a modest embassy employee. This was possible because he was paid not as local staff, in Roubles, but as a foreigner (a Greek citizen) in Dollars, with a bank account in Ottawa. He profited from having had good and privileged relations with five Canadian Ambassadors as well as the overwhelming majority of several hundred Canadians who served at the Embassy in Moscow on a rotating manner over 1943-1977 years.

Costakis visited Canada four or five times with lectures, exhibitions and once as a reward for faithful service to Canada – in 1968, 1973, 1982, and one or two times in 1989.

In the fall of 1977 Costakis lost his job at the Canadian Embassy in Moscow and in January 1978 left the Soviet Union for Greece for good. While leaving he made a deal with the Soviet state: in order to get permission to take a portion of his collection abroad he agreed to donate 142 pictures and 692 pieces of graphic to the Moscow State Tretyakov Gallery. The remaining 1275 works of his collection were later acquired by the Greek government and placed at a specially organized State Museum of Contemporary Art in Thessaloniki.

Keywords: *G. Costakis, Russian and Soviet avant-garde painting, the Canadian Embassy in Moscow, Soviet-Canadian cultural relations.*

About the author:

KOMKOVA Elena Gennadievna, Doctor of Sciences (Economics). Leading Analyst, Canadian Department.